

ДВА ВЗГЛЯДА НА РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

А.А. Порецкова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: *Предлагается рассмотрение двух подходов к методологической эволюции политической науки. Логика этой эволюции может быть представлена как с «внутренней» точки зрения самой науки («научного аутопозиса»), так и с точки «экстранаучных» факторов её развития. В первом случае орудиями анализа являются понятия исследовательской программы, модели объяснения, методологического подхода. На этой основе выделяются и анализируются методологические программы натурализма, конструктивизма и реализма (постконструктивизма). В втором случае основными понятиями являются научные движения и научные революции, используемые в концепции Дж. Дрызека применительно к эволюции американской политической науки. Здесь выделяются «этатисты», «плюралисты», «бихевиористы» и сторонники движения за «новую политическую науку». Переход к последнему этапу характеризуется как «научная революция» в американской политологии. Рассматривается также ход дискуссий по этим вопросам.*

Ключевые слова: *политическая наука, методология, исследовательская программа, научное движение, факторы развития науки.*

Развитие политической науки, как и любого социального явления, может быть представлено разными, зачастую весьма отличными друг от друга способами. На основе выделения ряда факторов учёные пытались систематизировать знания о развитии политической науки и предлагали модели развития политической науки в контексте национальной специфики: таким образом появились западногерманская, канадская, итальянская модели развития политической науки и другие. В данной статье речь пойдёт о двух возможных подходах, с точки зрения которых возможно рассмотрение эволюции методологических подходов в рамках политической науки.

¹ Впервые опубликовано в МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал.-гуманит. исслед.; Ред. кол.: М.В. Ильин (гл. ред.) и др. — М., 2016. — Вып. 6: Способы представления знаний / Ред. и сост. вып. М.В. Ильин. — 368 с. ISBN 978-5-248-00797-4.

На развитие методологий в науке можно смотреть с «внешней» стороны, определяя траекторию изменения через институциональные факторы, т. е. «экстранаучные», что близко к традиции исследования смены научных парадигм Томаса Куна [Кун 2001]. Иная картина возникает при противоположном взгляде на «внутреннюю» логику развития самой дисциплины и конвенциональных рамок, которые устанавливаются своеобразным «научным аутопоэзисом». Каким образом возможна реализация исследовательской стратегии, направленной на изучение методологических подходов? Необходимо обратиться к логике и истории становления существующих методологических школ в политической науке.

Основные понятия, которые крайне важны для моей работы, — это *модель объяснения, исследовательская программа, методологический подход и методология*. С учётом самой широкой аналитической рамки используются понятия не только политологического, но и социологического дискурса. Модели объяснения или исследовательские программы в социологии — это теоретическая перспектива, которая определяет выбор методологии и методов исследования [Девятко 1996: 10–14]. Таким образом, выстраивается некоторая иерархия перечисленных выше понятий: от наиболее общих моделей объяснения и исследовательских программ до методологических подходов и более конкретных методологий.

Методологический подход не просто представляет собой набор техник и методов исследования, но также включает уровень концептуализации и сохраняет характер выбранной исследовательской программы. При этом если мы говорим «методология», то имеем в виду конкретный набор техник, инструментов и методов. Почему методологии трактуются только как набор определённых техник? Во-первых, этот взгляд на определение методологии наиболее развит на Западе и возник в рамках количественного поворота, согласно которому в количественном исследовательском дизайне методология действительно сводится к определённому набору техник подсчёта и проверки валидности и репрезентативности эмпирических данных, во-вторых, это та самая категория, которая легче всего операционализируется и формализуется самими исследователями.

«Парадигмы» политической науки и их перерождение в форме исследовательских традиций

Чтобы адекватно решить исследовательскую задачу такого характера, необходимо рассмотреть развитие политической науки с точки зрения как «внутринаучных», так и «экстранаучных» факторов. Первый «взгляд» на развитие политической науки является конвенциональным и не сильно отличается от представлений, которые существуют в социальных науках в целом (в частности, в социологии). Что можно взять в качестве аналитической единицы для рассмотрения развития науки? В качестве «удобного» инструмента могут выступать «парадигмы».

В целом парадигмы можно охарактеризовать как набор базовых представлений, которые суть некоторый ультиматум, или первичные аксиоматические принципы [Guba, Lincoln 1994: 107]. В чем раскрывающий смысл парадигмы? Парадигма соединяет между собой онтологический, эпистемологический и методологический уровни исследовательского дизайна, подчиняя его особым «правилам игры», за рамки которых выходить нельзя. С точки зрения онтологии, мы можем предполагать, что мир перед нами — не более чем конструирование и результат социального взаимодействия, из чего следует (уже эпистемологический уровень), что мы не можем познать факты, мир вокруг нас не обладает эмпирической составляющей, которая могла бы отражать объективные причинно-следственные связи, а значит, единственная цель, которая нам доступна, — это понимание.

На какой основе провести классификацию парадигм, которые были бы релевантны в рамках политической науки? Самое простое решение — это обратиться к той области соци-

альных наук, где к парадигмам апеллируют, и это социология. Ритцер выделяет три парадигмы, которые характерны для изучения социальных процессов и феноменов, связанных с ними: это парадигма социальных фактов; парадигма социальных дефиниций; бихевиористская парадигма [Девятко 1996: 14]. Для парадигмы социальных фактов характерна ориентация на структуры и институты, для парадигмы социальных дефиниций центральными являются интерпретации и смыслы, которые вкладываются индивидами в свои действия. Бихевиористская парадигма представлена классическими работами К. Скиннера, которые слишком объективны для течения социальных дефиниций и при этом недостаточно агрегируют полученные в ходе исследования факты, что указывает на отсутствие ориентации по отношению к макроструктурам и причинно-следственным связям.

Что считать парадигмами именно в политической науке? Ведь публикация «Структуры научных революций» в свое время затронула также и мир политического. С точки зрения Т. Куна, политическая наука является «недоразвитой» и «молодой», так как не обладает рядом парадигм, которые могли бы выступать адекватными «проводниками» научного знания [Ball 1976: 152]. Вслед за опасениями за будущее политической науки разгорелись споры о том, какая методологическая школа станет полноценной парадигмой, которая могла бы выступить центральной и направляющей на пути создания полноценной и «созревшей» политической науки. Среди претендентов были функциональные структуралисты, математические подходы в игровом моделировании и даже «бихевиористы» в целом [Holt, Richardson 1970: 21–71; Wolin 1968: 125–152].

Т. Болл считал, что в течение нескольких десятилетий политическая наука прошла несколько качественных стадий отношения к Т. Куну и его видению «нормальной» науки. На первых двух стадиях представители политической науки соглашались с Т. Куном и искали в методологическом поле собственной науки серьёзные изъяны, однако позже позиция сменилась на диаметрально противоположную — отрицание и непринятие идей Т. Куна и возвращение к «истокам» [Ball 1976: 153].

Поэтому для политической науки характерна тенденция восприятия методологических подходов, существующих в ее рамках, не как отдельных парадигм, а как «исследовательских традиций» [Laudan 1977] или же как «исследовательских программ» [Lakatos 1970]. Более того, существует взгляд, который сводится к тому, что выбор парадигмы, или исследовательской традиции, или исследовательской программы подобен выбору своей идеологической позиции. Как у идеологии существует ее «ядро» — непоколебимые представления о мире вокруг нас, что приводит к выбору определённых ценностей, так же и у парадигмы (или «исследовательской традиции», или «исследовательской программы») существует набор фактов, которые формируют основные онтологические, эпистемологические и методологические представления об изучении социально-политических процессов.

Какие основные исследовательские дизайны можно выделить в рамках политической науки? При анализе литературы, посвящённой проблемам методологий и исследовательского дизайна в политической науке, можно сделать напрашивающийся вывод о том, что существуют, по сути, два исследовательских подхода: качественный и количественный [Mahoney, Goertz 2006: 227–249; Ньюман 1999: 122–249; King, Keohane, Verba 1994; Hammersley 2007: 287–305].

Несмотря на то что мной был зафиксирован отказ от понятия «парадигма», тем не менее необходимо провести логическую связь между тем, что является более «широкими» парадигмами и что выступает в качестве более «узких» и «направленных» исследовательских программ.

В своей книге «Ways of Knowing: Competing Methodologies in Social and Political Research» Дж.В. Мозес и Т.Л. Нутсен [Moses, Khutsen 2012: 15–35] пытаются концептуализи-

ровать и представить те методологические подходы, которые существуют в социальных науках. Они оговаривают, что их деление представляет собой идеальную классификацию, согласно которой может получиться и так, что исследователь не будет чувствовать себя «в своей тарелке» в рамках любого из выделенных подходов. Несмотря на это очевидное ограничение для упрощения аналитического процесса и для создания более-менее правдоподобной «картины», существующей в рамках политической науки в частности, авторы предоставляют три «парадигмы», характерные для социально-политических исследований: натурализм (в котором угадывается позитивизм), конструктивизм и реализм (который некоторыми другими исследователями характеризуется как постпозитивизм) [Guba, Lincoln 1994: 110].

Для натурализма характерны следующие базовые предпосылки: паттерны и причинно-следственные связи в природе можно зафиксировать эмпирически и проанализировать; между собой можно различать ценностно-ориентированные суждения и научные факты; предпочтение отдаётся обобщённому в ущерб партикуляристскому (т. е. идеографическому или описательному). *Конструктивизм*, в отличие от натурализма, не различает между собой ценностно-ориентированные суждения и научные факты, предполагая, что важной ценностью обладает именно семантическое объяснение происходящих процессов. Конструктивизм в качестве аналитических инструментов может использовать опыт (как исследователя, так и изучаемых «подопытных»), отдавая предпочтение смыслам, наполняющим окружающие нас социальные процессы. И, наконец, *реализм* (или, иными словами, постпозитивизм) пытается «примирить» между собой натурализм и конструктивизм: с одной стороны, на онтологическом уровне реализм не отрицает наличие объективного эмпирического Мира, с другой стороны, на эпистемологическом уровне он старается ограничить ресурсы и инструменты познания с поправкой на то, что человек не может находиться вне поля смыслов и интерпретаций.

Если натурализм и конструктивизм легко операционализируются в рамках политической науки, то с реализмом возникают серьёзные опасения: какую методологию можно отнести к реализму в логике Дж.В. Мозэса и Т.Л. Нутсена? Можно предположить, что экспериментальный дизайн, к которому сейчас себя причисляют многие современные исследователи, плохо классифицируется в дихотомии натурализм — конструктивизм и скорее относится к реализму [Cambridge Handbook of Experimental Political Science 2011]. С одной стороны, построение экспериментального дизайна предполагает использование определённой идентификационной стратегии и статистических методов, с другой стороны, — многие эксперименты строятся на опросах, наблюдениях, и в целом экспериментальный дизайн пытается в большей степени приблизить свои выборочные оценки к реальным эмпирическим данным, однако общая стратегия исследования не оставляет много пространства для интерпретации.

Итак, чтобы привести к единому знаменателю и парадигмы, и исследовательские дизайны, приведу здесь сводную таблицу, которая показывает, каким образом и почему из позитивизма (натурализма) появляется количественный исследовательский дизайн, а из конструктивизма — качественный (табл. 1).

Таблица 1.

Объяснительные модели позитивизма и конструктивизма

Объяснительные модели	Позитивизм	Интерпретативизм (конструктивизм)
Модель объяснения	Научное объяснение	Семантическое объяснение
Исследовательская стратегия	Дедукция	Индукция
Исследовательский дизайн	Количественный	Качественный

Примеры в политической науке	Теория рационального выбора, институционализм	Конструктивизм, обоснованная теория
------------------------------	---	-------------------------------------

Это общая логика развития объяснительных моделей, которые вписываются в существующие в политической науке парадигмы (которые выделены на основе взгляда самих учёных на внутреннее развитие политической науки в целом) [Handbook of Political Science 2009]. Однако мы не можем опираться только на данную модель; так, в случае с экстраординарными факторами паттерн развития политической науки будет иным.

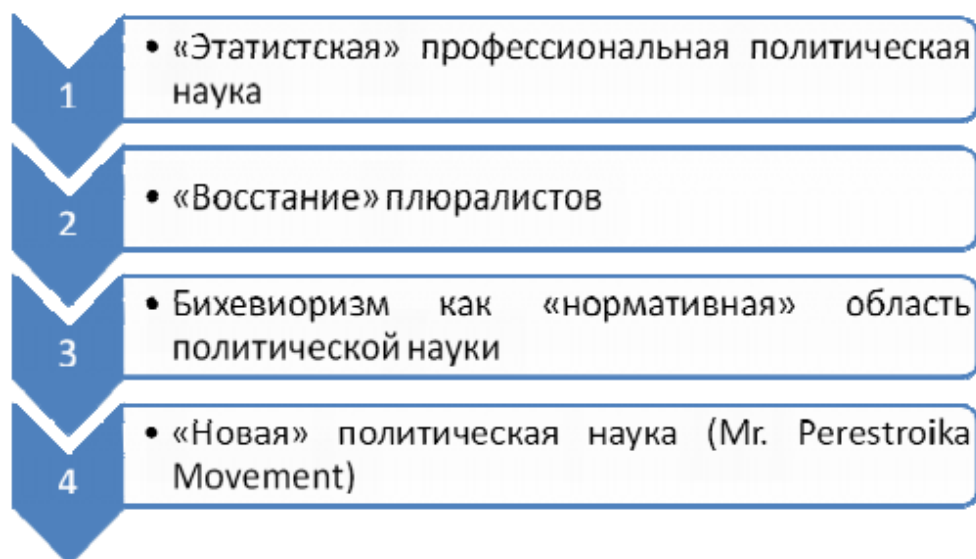
«Научные революции» в политической науке

В логике экстраординарных факторов развитие науки происходит не «нормальным» путём, а путём «научных революций»². В работе Дж. Дрызека развитие политической науки описано с точки зрения «движений» (movement — в оригинале) [Dryzek 2006: 487–492]. Дж. Дрызек в своей работе указывает на то, что он фокусируется на американской политической науке, в частности на сфере политической теории [Dryzek 2006: 487].

На рис. 1 в общем виде представлены те «движения» в политической науке, которые выделяет Дж. Дрызек. Вначале политическая наука исполняла прозрачную функцию — в ее «полномочия» входило построение сильного централизованного государства на основе вымышленной этнической гражданственности [Farr 1993: 69]. Ф. Гудноу заявил на одном из конгрессов APSA, что «политическая наука служит исполнению Государственной воли» [Dryzek 2006: 488].

Рисунок 1.

«Движения» в политической науке

С точки зрения Дж. Гуннеля, после непродолжительного расцвета государство-центрированной политической науки наступила плюралистская революция [Gunnell 1995: 36]. В начале XX в. политическая наука переживала кризис, который был обусловлен ограниченным вниманием к политическим акторам, которые были способны выступать субъектами действия: кроме государства, никто больше не обладал легитимным правом на существование в

² В терминах Т. Куна. — Прим. авт.

области политического. Нормативные плюралисты — Г. Ласки и М.П. Фоллетт — в конечном счёте не выступали за признание разнообразия интересов, а скорее исходили из некоторых онтологических предпосылок, заключавшихся в принципе разнообразия изучаемого опыта. Невозможно было проводить анализ, следуя данному принципу, без признания других политических акторов в качестве автономных.

Следующим этапом в развитии политической науки стала бихевиористская революция. Сторонники бихевиористской традиции выступали против исторического анализа контекста, против «гиперфактуальных» и описательных теорий (которые можно трактовать как *grand theories*) [Dryzek 2006: 489]. Представителей бихевиоризма не устраивал исследовательский фокус плюралистов, который концентрировал внимание на политических партиях и группах давления, конкурирующих между собой с целью замещения властных позиций и перераспределения ресурсов (естественно, государство в данном контексте выступало в качестве «площадки» для борьбы этих самых интересов) [Easton 1993: 292–293]. В целом Дж. Дрызек оценивает бихевиористскую революцию в качестве успешной и имеющей влияние на политическую науку и в современной повестке дня.

Последней революцией в политической науке стало «Движение за новую политическую науку» [Dryzek 2006: 490]. По сути, представители данного движения (в числе которых был, например, Моргентау как представитель области международных отношений) стремились к тому, чтобы политическая наука стала более социально ответственной и могла выступать по некоторым амбивалентным и спорным вопросам с большей свободой. Политическая наука не может быть отделена от острых социальных и политических проблем, существующих в мире (расизм, мужской шовинизм и т. д. [Bay 1968: 36–38]). Это движение ознаменовало «поворот» в сторону критической теории в том смысле, что последняя выступала за то, что любое исследование можно трактовать только в терминах морально-политической активности, а значит, научное объяснение (и знание) не может быть ценностно нейтральным [Ньюман 1999].

Главной чертой описанной выше революции является попытка закрепления плюралистического взгляда на существующие методологические подходы. Однако это не единственный взгляд на постбихевиористский этап развития политической науки. Существует ещё как минимум один подход, который значительно отличается от описанного выше. Он характеризуется видением политической науки как единой интегральной науки, которая могла бы стать основой для единой теории социальной науки [Политическая наука: новые направления 1999: 103]. В основе такого взгляда лежит принцип «методологического индивидуализма»: поскольку мы закладываем в основу любой политической теории предпосылку о рациональности индивида, нам становятся доступны количественные методы исследования, претендующие на объективную репрезентацию агрегированных данных. Проблема теории рационального выбора заключается в ее стремлении к исчерпывающему объяснению социальной реальности. В попытке решить проблему структур-агентских отношений она попадает в ловушку собственного «методологического индивидуализма», ведь автономность и рациональность индивида становятся аксиомой, не требующей дальнейшего доказательства, что, по сути, придаёт ей уже структурный характер, подчиняющий любое поведение индивида логике рыночных отношений.

Подводя итог, можно сказать, что для последнего этапа характерно разделение взглядов на два противоположных лагеря: прогрессистски-эkleктичный подход (который в частности представлен Дж. Дрызекком) и максималистский подход, ранее существовавший в форме социоэкономического детерминизма в рамках марксизма, более прогрессивным преемником которого стала теория рационального выбора [Политическая наука: новые направления 1999: 101–102].

Таким образом, представленная Дж. Дрызеком история развития политической науки не сводится только лишь к внутринаучным факторам и к общей логике становления и смены исследовательских программ и подходов. Во-первых, она более линейна и действительно указывает на «смену парадигм». Взгляд «изнутри» указывает, что, несмотря на существующие в истории «волны», многие исследовательские программы так и продолжают сосуществовать между собой. Во-вторых, многие из представленных движений направляли свое желание реформирования в сторону APSA как основного институционального актора, закрепляющего существующие в науке «правила игры».

Дальнейшая дискуссия

Таким образом, нам удалось определить две исследовательские перспективы на развитие методологических подходов в политической науке. С одной стороны, существует «внутренняя» логика развития, которая достаточно тесно привязана к измерению парадигм, откуда появляются исследовательские традиции. В этом смысле определить исследовательские традиции можно либо через детальный разбор определения парадигмы, либо через подробное рассмотрение онтологического, эпистемологического и методологического уровней, которые могут быть определены в отношении любого из методологических подходов. С другой стороны, существуют «экстранаучные» факторы, определяющие смену фокуса внимания дисциплины. Последнее не продиктовано исследовательскими интересами и не подчиняется логике развития методов. Скорее, мы изменяем объект нашего познания. Благодаря «Структуре научных революций» Т. Куна мы знаем, что революции в науке, особенно там, где объект и субъект познания практически неразличимы, действительно подвержены не только «внутринаучным», но и «экстранаучным» (или же социетальным) факторам.

Необходимо учитывать ряд ограничений, связанных с изложенной историей развития методологических подходов в политической науке. Во-первых, данные модели опираются на развитие американской политической науки, которая, безусловно, требует рассмотрения для понимания перемен, происходящих в политической науке в целом. Во-вторых, факторы развития, которые можно выделить на основе данных моделей, будут носить ограниченный характер. Политическая наука отличается от страны к стране, и факторы, которые могут влиять на становление методологических подходов, также различаются между собой.

В дальнейшем необходимо более подробное изучение и выявление иных возможных факторов развития, которые не будут сводимы к одному институциональному игроку (в данном случае к APSA). Это позволит определить те институциональные условия, которые выполняют комплементарную роль при развитии и становлении тех или иных методологических подходов.

Девятко И.Ф. 1996. *Модели объяснения и логика социологического исследования*. — М.: РЦГО-TEMPUS/TASIS.

Кун Т. 2001. *Структура научных революций*. — М.: АСТ.

Ньюман Л. 1999. Значение методологии: три основных подхода. — *Социологические исследования*. — № 4.

Политическая наука: новые направления. 1999. — М.: Вече.

Ball T. 1976. From Paradigms to research programs: Toward a Post-Kuhnian political science. — *American journal of political science*. — Vol. 20. — № 1.

Bay C. 1968. For An American Political Science Association. — *Political science. American Political Science Association*. — Vol. 1. — № 3.

Cambridge Handbook of experimental political science. 2011. — Cambridge: Cambridge univ. press.

Dryzek J.S. 2006. Revolutions without Enemies: Key transformations in political science. — *The American political science review*. — Vol. 100. — № 4.

Easton D. 1993. Political science in the United States: Past and present. — *Discipline and history: Political science in the United States*. — Ann Arbor: Univ. of Michigan press.

Farr J. 1993. Political Science and the state. — *Discipline and history: Political science in the United States*. — Ann Arbor: Univ. of Michigan press.

Gunnell J.G. 1995. The Declination of the 'State' and the Origins of American political science. — *Political science in history: Research programs and political traditions*. — Cambridge: Cambridge univ. press.

Guba E.G., Lincoln A.S. 1994. Competing paradigms in qualitative research. — *Handbook of qualitative research*. — Thousand Oaks, CA: Sage.

Hammersley M. 2007. The issue of quality in qualitative research. — *International journal of research & method in education*. — Vol. 30. — № 3.

Handbook of political science. 2009. — Abakaliki: Department of Political Science, Ebonyi State Univ.

Holt R., Richardson J. 1970. Competing paradigms in comparative politics. — *The methodology of comparative research*. — New York: Free Press.

King G., Keohane R., Verba S. 1994. *Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research*. — New Jersey: Princeton univ. press.

Laudan L. 1977. *Progress and its problems: Toward a theory of scientific growth*. — Berkeley: Univ. of California press.

Lakatos I. 1970. Falsification and the methodology of scientific research programs. — *Criticism and the growth of knowledge*. — Cambridge: Cambridge univ. press.

Mahoney J., Goertz G. 2006. A tale of two cultures: Contrasting quantitative and qualitative research. — *Political analysis*. — Vol. 14. — № 3.

Moses J., Knutsen T. 2012. *Ways of knowing: Competing methodologies in social and political research*. — London: Palgrave Macmillan.

Thomas G. 2005. The qualitative foundations of political science methodology. — *Perspectives on politics*. — Vol. 1. — № 4.

Wolin S.S. 1968. Paradigms and political theories. — King P., Parekh B.C. *Politics and experience: Essays presented to Michael Oakshott*. — Cambridge: Cambridge univ. press.